

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

К Н И Г И
Франка Тилье

Адский поезд для Красного Ангела

Комната мертвых

Медовый траур

Фантомная память

Лента Мебиуса

Переломы

Синдром Е

БАТАСА, или Проект «Феникс»

Головокружение

Атомка

Головоломка

Страх

Пандемия

Сновидение

Шарко

ФРАНК ТИЛЬЕ

GATACA,

или

Проект «Феникс»

Санкт-Петербург

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
Т 40

Franck Thilliez
GATACA

Copyright © 2011, Fleuve Éditions, Département d'Univers Poche

Перевод с французского Натальи Васильковой

Серийное оформление и оформление обложки
Вадима Пожидаева

ISBN 978-5-389-14849-9

© Н. Василькова (наследник), перевод, 2012
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
«Азбука-Аттикус»», 2018
Издательство АЗБУКА®

*Эстебану и Тристану,
которые, подобно миллиардам других муравьев,
вносили свою скромную лепту
в великое строительство под названием Эволюция*

Живые организмы существовали на Земле, не зная для чего, более трех тысяч миллионов лет, прежде чем истина осенила наконец одного из них.

*Ричард Докинз. Эгоистичный ген
(Перевод Н. Фаминой)*

...Разум стремится объять не только то, что можно и нужно делать, но и то, что делать можно, но верней всего не нужно.

*Уберто Эко. Имя роли
(Перевод Е. Костякович)*

Моим читателям

Меня часто спрашивают, откуда я беру темы своих книг. Может быть, они появляются из хроники происшествий? Или возникают, когда я люблю пейзажем? На углу улицы или при взгляде на журнальную страницу? Откровенно говоря, я и сам толком этого не знаю. У меня нет ни тайн, ни методов. Я верю скорее в щелчок, в случай: как будто видишь круговерть листьев, сорванных с ветвей и несомых бурей, и вдруг — бац! — различаешь среди многих один, тот, который подлетит и прилепится именно к твоей щеке.

Я уже больше двух лет обдумывал вторую книгу диологии о жестокости, когда попал — ну, скажем, не случайно — на доклад, посвященный проблемам эволюции. Среди прочего докладчик рассказал нам, что однажды Чарльз Дарвин получил от кого-то из своих знакомых мадагаскарскую орхидею, научное название которой *Angraecum sesquipedale*, а разговорное — «Звезда Мадагаскара». У цветка оказался необычайно длинный, двадцать пять — тридцать сантиметров, шпорец, на самом дне которого собирался нектар. Ни одна из известных Дарвину бабочек не обладала хоботком, который позволил бы проникнуть на такую глубину. Но каким же тогда образом опылялся этот цветок — ведь без опыления «Звезда Мадагаскара» была бы обречена на вымирание? Дарвин предположил, что на острове должна существовать бабочка с хоботком длиной до тридцати сантиметров — бабочка, способная достать нектар со дна шпорца этой орхидеи. Сорок один год спустя на Мадагаскаре была обнаружена бабочка,

получившая в честь предвидения Дарвина символическое название *Xanthopan morgani praedicta*¹: длина ее хоботка действительно двадцать пять — тридцать сантиметров.

Это произвело на меня глубочайшее впечатление, и я подумал, что здесь наверняка найдется материал для книги. И погрузился в биологию, эволюцию, генетику, попутно размышляя над сюжетом, с которым вам предстоит познакомиться. Алхимия слов сделала остальное.

В этой книге на сцену вновь выходят Люси Энебель и Франк Шарко. Их история не закончилась на последней странице «Монреальского синдрома», ведь в самом конце их ожидало весьма неожиданное событие. Но специально для новых читателей хочу подчеркнуть, что если персонажи остались прежними, то история, излагаемая здесь, никак не связана с предыдущей.

А теперь мне остается только пожелать вам всем приятного чтения.

¹ *Praedicta* — предсказанная (лат.).

ПРОЛОГ

Август 2009 года

В тот день не должно было быть хорошей погоды.

И не должно было быть у людей на этой земле права смеяться, бегать по пляжу и дарить друг другу подарки. Кто-то или что-то должно было им помешать. Нет, не имели они права ни на счастье, ни на беззаботность. Потому что там, в комнате-холодильнике, находившейся в самом конце лабиринта ужасных коридоров, под лампами дневного света лежала девочка и мерзала.

Теперь она всегда будет мерзнуть. Всегда.

Согласно официальному сообщению, неопознаваемое тело девочки, предположительно от семи до десяти лет, было найдено вблизи дороги регионального значения, между Ньюром и Пуатье. Когда новость дошла до лилльской бригады криминалистов, Люси Энебель, даже не разузнав точно, при каких обстоятельствах обнаружили труп ребенка, сразу понеслась туда. Больше пятисот километров на чистом адреналине, несмотря на усталость, на нестерпимую душевную боль, на терзающий ее страх перед непоправимым, с одной стучащей в голове фразой: «Господи, только бы не одна из моих дочек, Господи, пожалуйста, только бы не одна из моих дочек!» Люси, которая никогда не знала молить, которая забыла запах свечей и ладана, истово молилась. Она отчаянно надеялась, что там окажется другой ребенок, другая девочка, которая исчезла, но не успела попасть в полицейские сводки. Может быть, ту девочку похитили вчера. Или сегодня. И тогда несчастными станут другие родители, не она.

О пожалуйста, только не она!

Люси снова и снова убеждала себя: речь о совсем другом ребенке. Не важно, что от Сабль-д'Олон, места, где пропали Клара и Жюльетта Энебель, до места, где нашли тело, довольно близко, — это просто дело случая. И то, что между исчезновением девочек и моментом, когда она ступила на парковку Института судебной медицины Пуатье, прошло всего пять дней, — тоже случайность.

Другой ребенок... Но тогда почему Люси здесь, совсем одна, так далеко от дома? Тогда почему резкая кислота то и дело подкатывает к горлу и кажется, что ее вот-вот вырвет?

Конец дня, а асфальт обжигает сквозь подошвы. Воздух насыщен парами этого расплавленного асфальта, пахнет разогретой резиной — отравы, а не воздуха. Отпуск 2009 года — время, проведенное в аду. В ее личном, ее частном аду. А ведь самое худшее еще впереди. Оно впереди, вместе с ужасным словом, которое стучит у нее в голове: «неопознаваемое».

Девочка, которая там лежит, это не моя дочка, это не одна из моих близняшек.

Люси снова взглянула на дисплей мобильного, открыла «входящие», хотя отсутствие конвертика в нижней части маленького экрана указывало, что сообщений не поступало. Но вдруг в пути были проблемы с сетью, вдруг она прямо сейчас получит срочное сообщение: Клару и Жюльетту нашли, девочки чувствуют себя хорошо и скоро вернутся домой, к своим игрушкам.

За спиной хлопнула дверь грузовичка, и Люси, вздрогнув, вернулась к реальности. Сообщений не было. Она положила сотовый в сумку и направилась к зданию. По институтам судебной медицины она могла ходить с закрытыми глазами — все они были устроены одинаково. Напротив входа приемная и регистратура, на первом и втором этаже лаборатории, морг и прозекторские в подвале — символично: мертвецы не имеют права на солнечный свет.

Осунувшаяся, с потухшим взглядом, лейтенант полиции Энебель подошла к секретарше за справкой. Говорила неуверенно, еле слышно, с трудом подбирая слова. Связки сели по-

сле криков, рыданий, бессонных ночей. В журнале регистрации записано, что труп — вот еще одно ужасное слово, от которого сжимается сердце, — доставлен в 18 часов 32 минуты. Вероятно, судмедэксперт уже произвел предварительный осмотр тела, и наверняка сейчас, в эту самую минуту, патологоанатом готовится читать историю последних минут жизни погибшей, исследуя ее плоть изнутри.

Другая девочка. Не Клара и не Жюльетта.

Люси с трудом стояла на ногах, колени подгибались, ее шатало. Она шла по коридорам, держась рукой за стену, шла медленно, словно во тьме, а там, на улице, был разгар лета, люди пели и танцевали. Сложнее всего было смириться именно с этим контрастом: кругом продолжается жизнь, а здесь...

Полминуты спустя она приблизилась к двери с врезанным в створку овальным стеклом. Тут просто воняло смертью, и не существовало никаких средств избавиться от этого жуткого запаха. Люси приходилось вести по таким же мрачным коридорам родителей, братьев, сестер — на «опознание», и многие падали в обморок, еще не увидев тела. В том, что приходишь сюда, уже есть что-то невыносимо бесчеловечное. Что-то противоречащее природе.

Она замерла у стекла, через которое было видно, как по ту сторону двери человек в маске идет к столу из нержавеющей стали. Стола, впрочем, она не видела — просто знала, что такой стол там есть. Сколько раз она переживала подобные сцены и сколько раз чувствовала при этом, что вот оно — начало нового дела, нового расследования, сколько раз надеялась, что дело будет волнующим, даже необычным, выдающимся. Она была совсем как этот чертов судмедэксперт, для которого мертвый ребенок всего лишь еще один объект изучения и который, вернувшись домой с работы, нальет себе рюмочку и сядет смотреть телевизор.

Но сегодня для нее все иначе. Сегодня она полицейский и потерпевшая в одном лице. Она и охотник, и добыча. И мать у тела мертвого ребенка.

Только не одна из моих дочек. Неизвестная девочка. Чужая девочка. Другие родители скоро будут плакать здесь — на том месте, где сейчас стою я.

Почерпнув в этих заклинаниях немного мужества, Люси взялась обеими руками за дверную ручку, вдохнула так глубоко, как только смогла, и шагнула вперед.

Пятидесятилетний мужчина припарковался в глубине стоянки Института судебной медицины позади фургона, в котором привезли оборудование. Стратегически удобная позиция: отлично видно, кто входит в здание, кто выходит, а сам не привлекаешь внимания. Трехдневная по меньшей мере щетина, глаза за темными очками с кое-как склеенной и обмотанной скотчем дужкой, лоб в мелких капельках пота — незнакомец смахивал на злоумышленника. Эта жара, эта проклятая жара, как она давит, до чего липкий, плотный воздух... Не переставая обдумывать ситуацию, он приподнял очки, вытер носовым платком веки. Что лучше: пойти туда первым и первым узнать, что там с телом девочки, или подождать, пока выйдут ребята из судебной полиции, присутствовавшие при аутопсии, и расспросить их?

Притулившись на заднем сиденье своей машины, Франк Шарко массировал виски. Долго-долго. Сколько же часов он не спал? С каких пор по ночам он только ворочается в постели с боку на бок, съезжившись под одеялом, как провинившийся мальчишка? Из радиоприемника лилась тихая музыка, в открытые окна врывался не легкий ветерок, а все тот же удручающе жаркий воздух, веки сами собой опускались, голова клонилась набок, но, не дав ей соприкоснуться с подголовником, он рывком вернулся в вертикальное положение — телу хотелось спать, мозг не давал ему заснуть.

Комиссар полиции из Центрального управления по борьбе с преступлениями против личности плеснул из бутылочки на ладони теплой минеральной воды, провел мокрыми ладонями по лицу и вышел из машины немного размяться. От жаркого воздуха одежда еще сильнее прилипла к телу. Франк казался себе идиотом. Он мог войти в институт, предъявить служебное удостоверение с трехцветной полосой, ему разрешили бы присутствовать при вскрытии. Он получил бы сведения из первых рук, все было бы сделано на автомате, профессиональ-

но. Если ты двадцать пять лет работаешь в полиции, и двадцать из них — «на земле», сколько раз ты уже видел останки, искромсанные остро заточенными инструментами судмедэксперта? Двести? Втрое больше?

Но только не детей: он больше не мог видеть, как вскрывают детское тельце, как сверкает скальпель над хрупкой, неестественно белой детской грудью. Будто поцелуй Зла. До чего же ему нравилось встречаться глазами с малышами Энебель — там, на пляже. Они играли в мяч, бежали по лужам, а их мама наблюдала за ними нежным взглядом. Это были каникулы, это была беззаботность, это было простое счастье на четверых. А потом, Господи, потом голубоглазые двойняшки пропали. Пропали из-за него.

Почти неделю назад.

Одна из самых долгих, самых мучительных недель после того, как не стало его собственной семьи.

Что покажет вскрытие, что покажет биологическая, токсикологическая экспертиза? Какими дьявольскими письменами покроется белая бумага, которую выплюнет лабораторный принтер? Шарко знал наизусть маршрут смерти, его невозможную последовательность внутри полной непоследовательности. Он понимал, что даже после смерти человеческое существо не находит упокоения ни в руках полицейских, ни в руках медиков до тех пор, пока не закончится следствие по делу об убийстве. Мгновение назад это тело было полно жизни — и вот оно уже просто предмет, не более чем объект исследования. Франку претило подобное отношение. А если говорить о людях, способных убить ребенка... Комиссар сжал руки так, что фаланги пальцев побелели.

Поблизости зарокотал мотор, и Шарко сообразил: кто-то паркуется. Спрятался за фургончик и минуты две переминался с ноги на ногу, даже через подметки ощущая жар асфальта. Все суставы хрустели, как сухое дерево. Не выдержав, он вернулся в свою старенькую машинку. Он чувствовал себя совершенно больным, прямо-таки на пределе сил, но боролся, боролся...

Но тут, почти в ту же секунду, показалась она, и все внутри его окончательно рассыпалось на кусочки. Джинсы, серая, не заправленная под пояс майка, кое-как собранные в конский хвост волосы. Небесно-голубые глаза уже не освещают лицо. Люси Энебель напоминала сейчас выцветшее, поврежденное полотно великого мастера, как и он сам, наверное. Видеть ее такой, видеть, как она пошатывается, словно ноги отказываются ей служить, было нестерпимо больно.

Значит, она тоже в курсе, она узнала сразу же. Она же следила за сводками, следила за всеми бригадами криминалистов, которым поручались дела, связанные с детьми, сама звонила, и ей звонили. И она примчалась сюда по первому же сигналу. Только, черт побери, что Люси собирается делать здесь, в этом склепе? Присутствовать при вскрытии собственного ребенка? Даже он, Шарко, тогда, много лет назад, не решился участвовать в посмертном изучении его малышки Элоизы. Такое хуже, чем проглотить гранату с выдернутой чекой.

Он не решился, а как же мать, любящая мать, как она найдет в себе силы на подобное? Откуда эта потребность в страдании, это желание снова и снова разжигать в себе ненависть? А если сейчас погибла неизвестная девочка? Тогда Люси Энебель обречена ездить из морга в морг, искать своих дочерей до тех пор, пока сама не сгорит на медленном огне? А если она найдет одну, а вторую нет? А если вторая не найдется никогда? Как тут не сойти с ума?

Он сидел, вцепившись в руль, и думал, что теперь делать. Идти за ней? Оставаться здесь и ждать, пока она выйдет? Но разве, когда пьяная от горя, полумертвая Люси выйдет оттуда, он усидит на месте, разве он сможет не броситься к ней? Не прижать ее к себе изо всех сил, не шепнуть на ухо, что когда-нибудь черная полоса кончится и все пойдет лучше, гораздо лучше?

Нет. Никакого другого решения нет и быть не может: он должен бежать. Он слишком любит эту женщину.

Он повернул ключ в замке зажигания и выехал со стоянки. Он двинулся в направлении Парижа.

Когда злоедей силуэт Института судебной медицины исчез из зеркала заднего вида, Шарко понял, что, скорее всего, они больше никогда не встретятся.

Никогда в жизни его не терзала такая печаль и такая ненависть.

Скорее, скорее, плевать на головную боль, плевать на обжигающие слезы и даже на детские ручонки, скребущиеся где-то внутри. Скорее, скорее отсюда — от этого места, отмеченного печатью смерти. Люси ничего не ела, ничего не пила, ее тошнило. Она действовала на адреналине, на нервной энергии, неслась, не обращая внимания на ограничения скорости. Фонари на обочинах шоссе мелькали, сливаясь в светящиеся линии. Если она врежется в парапет — что ж, тем лучше! Гнать, гнать на бешеной скорости, рулить до полного изнеможения, оставляя позади себя километр за километром, чтобы не думать, никогда больше не думать. Но, несмотря ни на что, образы сами собой всплывали и затопляли память. Люси видела перед собой маленькие, чересчур маленькие для таких огромных прозекторских столов тела под не дающей тени хирургической лампой, слышала веселое позвякивание инструментов...

Пусть этого не случится. Пусть не падет на нее это проклятие: опознать собственное дитя. Одну из своих дочек, своих близняшек. Этих источников жизни, которые она носила в себе, которые были с ней восемь лет. Они были с ней всегда — днем и ночью, когда болели и когда веселились на школьных праздниках, и каждую их черточку, каждую самую крошечную подробность лица и тела, скрытую от любых других глаз, она знает наизусть.

Кровь от крови ее.

Надо набраться терпения, теперь секунды, подобно медленному яду, потекут по ее жилам, а там, в конце пути — страшное. Либо ее мертвая девочка, одна из двух, либо обе ее девочки еще в руках палача. Ужас или ужас из ужасов.

Какое чудовище их похитило? Зачем? Девочки пропали на пляже Сабль-д'Олон, когда отправились покупать мороже-

ное. Меньше чем за минуту растворились в толпе. Несчастный случай или за ними давно следили? С какой целью? Люси не переставая прокручивала в голове всевозможные сценарии, один страшнее другого, она уже изнемогала, но конца крутящимся перед глазами кошмарам не предвиделось.

И все это произошло из-за Франка Шарко. Она не желает больше видеть его — никогда в жизни, пусть сдохнет, к чертям. Нет, не так: она готова придушить его собственными руками.

Что ждет ее в ближайшее время — ожидание анализов, результатов расследования и поисков убийцы? Какой дьявол мог так сорвать зло на ребенке? Где бы он ни спрятался, хоть на другом конце земли, Люси отыщет его, на это ей сил хватит.

Это не Клара и не Жюльетта. Она там сегодня видела не Клару и не Жюльетту. Это... это совсем другое.

Три часа ночи. За окном ее квартиры в студенческом квартале Лилля застенчиво мерцает лампа. Симпатичная квартир-ка, всегда полная жизни, разговоров, человеческого тепла. На бульваре перед домом сейчас пусто, светофор подмигнет то красным, то зеленым, то желтым глазом, и в этой монотонности есть что-то от конца света. Люси страшно подниматься к себе. В четырех стенах без Клары и Жюльетты хуже, чем в гробу.

Ее мать, Мари Энебель, держалась на кофе и лекарствах. Сейчас, в три часа утра, эта полная энергии женщина с обесцвеченными прядками в коротких волосах, этот сгусток энергии, казалась постаревшей на десять лет. Из-за работы дочери растить близняшек пришлось ей, она меняла им памперсы, кормила из бутылочек, сидела с ними, когда они болели или когда их мать в ночной засаде подстерегала злоумышленника.

А сегодня — о боже! — сегодня...

Люси замерла в дверном проеме лицом к матери, на скулах обозначились желваки. Если бы она могла сбежать, если бы она могла удрать куда-нибудь далеко, подальше отсюда, и никогда не возвращаться. Идти и идти по длинному песчаному мысу, уводящему в океан. Она уже думала о том, что будет завтра, о том, как она станет просыпаться по утрам (если,

конечно, научиться засыпать) и видеть пустые кровати в розово-зеленой детской, игрушки, ожидающие, когда их приласкают. Слоненка, которого Жюльетта выиграла на ярмарке. И бегемотика, с которым Клара так любила обниматься. Все эти милые памятные вещи — как разверстые раны.

Поскольку Люси не двигалась, мать сама подошла к ней, обняла — со вздохом, не сказав ни слова. А что можно сказать в такую минуту? Что близняшек в конце концов найдут живыми и все кончится хорошо? Люси, лейтенант полиции, и Мари, мать лейтенанта полиции, — они лучше кого бы то ни было знали, что после сорока восьми часов шансы обнаружить похищенного ребенка живым стремятся к нулю. Так устроена жизнь, такова статистика.

Мари заметила, что дочь сжимает в побелевшем кулаке прозрачный пакет, и сразу поняла. Там была маска, пластиковая пробирка, пара резиновых перчаток, розовый картонный прямоугольник в герметичной упаковке и три стерильных ватных тампона на палочках, какими берут анализ на ДНК.

Дочь прошептала ей в спину:

— Как я сделаю это, мама? Как я с этим справлюсь?

Измученная Мари села на кушетку. Несмотря на то что этой высокой изящной женщине было уже под шестьдесят, она не утратила привлекательности, и даже сейчас, когда все ее существо взывало о помощи, она держалась, держалась...

— Я буду здесь. Я всегда буду с тобой.

Люси, шмыгнув носом, кивнула.

— Ребенок, девочка, на прозекторском столе... Я прокляла ее, я ее прокляла, мама, за то, что она не избавила меня от сомнений. Это не мой ребенок. В глубине души я уверена: это не мой ребенок. Как могла бы одна из моих девочек оказаться там? Как они... как они могли бы сделать ей больно? Нет-нет, это невозможно.

— Я знаю, что невозможно.

— Я уверена... уверена, что это чудовище, этот зверь, уверена, что он стоял и смотрел, когда разгорался огонь. Он смотрел.

— Люси...

— Может быть, они быстро его поймают, очень быстро. Может быть, он удерживает у себя других девочек, а мои дети...

— Может быть, Люси, может быть...

В голосе Мари звучало смирение, и для Люси это был знак: мать покорилась судьбе, ее не переубедишь.

Сил говорить не осталось. Люси, не зажигая света, зашла в ванную, вымыла руки — каждая рука весила тонну, вскрыла пакет, который ей дали в лаборатории криминалистики, достала и надела перчатки, вернулась в гостиную, посмотрела на Мари, Мари посмотрела на нее — и отпрянула, прижав к губам дрожащие пальцы.

Офицер судебной полиции знает, как это делается. Люси осторожно ввела в открытый рот одну из стерильных палочек, так же осторожно провела несколько раз белой ваткой, впитывающей слюну, по внутренней поверхности щеки, стерла плечом слезы с лица: ничто не должно влиять на ее действия, даже материнское горе. Она понимала, что совершает сейчас нечто до ужаса нереальное: с помощью собственной ДНК ищет доказательства, что одна из ее дочерей мертва.

Она плотно прижала ватный тампон к указанному на розовой пластинке месту, чтобы ее ДНК туда впечаталась. Потом вернула пластинку в предназначенный для нее пакетик и наглухо заклеила большой пакет толстым красным скотчем с надписью: «Не вскрывать! Опечатано полицией».

Завтра рано утром мазок будет отослан в частную лабораторию, где окажется рядом с сотнями других. Ее будущее — их будущее — зависит от обычной молекулы, которую и увидеть-то невозможно. Последовательность из миллионов букв А, Т, Г, Ц¹, складывающаяся в уникальный генетический код, которая столько раз помогала следствию.

Несмотря на веру, несмотря на надежду, Люси не могла не думать о том, что, возможно, очень скоро ей придется жить без своих звездочек. Но если такое случится, как она тогда сможет существовать?

¹ А (аденин), Т (тимин), Г (гуанин), Ц (цитозин) — химические элементы, из которых состоит ДНК.

Год спустя

Группа Маньяна из Парижского уголовного розыска прибыла на место преступления первой. Драма разыгралась на территории Венсенского леса, поблизости от зоопарка и озера Домениль, откуда до знаменитого дома тридцать шесть по набережной Орфевр¹ всего-то несколько километров. Голубое небо, прозрачная вода озера, прохладно — все-таки начало сентября. Летом погода постоянно менялась, часто налетали ураганы с проливным дождем, и сейчас город наконец-то смог передохнуть.

Тело нашел на рассвете пробегавший мимо мужчина. Мобильник висел у него на груди, и он сразу же набрал 112². Меньше чем через час информация от дежурного полицейского поста долетела до коммутатора уголовного розыска, а оттуда на третий этаж лестницы «А», подняв на ноги дежурных офицеров.

Мужчину лет сорока на вид, сидевшего за рулем зеленого «поло», похоже, несколько раз ударили в грудь холодным оружием, причем неожиданно: он даже не успел отстегнуть ремни безопасности. Джоггера удивило положение головы жертвы — подбородок упирался в грудь. Стекло со стороны водителя было опущено полностью.

Франк Шарко, номер второй в группе из четырех офицеров, постарался обогнать других и выйти на место первым,

¹ В доме № 36 по набережной Орфевр на острове Ситэ расположено Региональное управление судебной полиции Префектуры полиции Парижа.

² 112 — единый для стран ЕС номер экстренного вызова.

его непосредственный начальник и коллеги отстали метров на десять. Он пересек границу, обозначенную двумя полицейскими с дежурного поста, и приблизился к машине, стоявшей на окруженной деревьями полянке, незаметной для посторонних взглядов.

На набережной Орфевр, разумеется, прекрасно знали Венсевский лес, особенно ту часть, что ближе к бульварам, ну и местечки, где собирались поочередно трансвеститы, проститутки и транссексуалы, участок же, где нашли тело, был чуть в отдалении и считался спокойным. Хотя если подумать: с одной стороны — зоосад, с другой — озеро, чем не идеальное место для убийства? Ни тут ни там никаких свидетелей.

Шарко, в висевших мешком джинсах, черной майке и своих любимых, готовых развалиться легких туфлях, натянул резиновые перчатки, просунул руку в открытое окно машины, схватил жертву за подбородок и резко повернул голову убитого к себе. Капитан Маньян, который из пятидесяти лет жизни двадцать два года отдал работе «на земле», кинулся вперед и в бешенстве потянул Шарко за рубашку:

— Ты что это делаешь, черт тебя побери?

Комиссар аккуратно вернул голову трупа на место, осмотрел замятнанную кровью одежду, бледное лицо, заглянул в мертвые глаза.

— Кажется, я его знаю... А ты? Ну-ка, глянь!

Маньян метал громы и молнии. Он продолжал тянуть к себе комиссара, будто тот был не коллегой, а обычным правонарушителем.

— Тебе что, совсем наплевать на установленный порядок? Смеешься надо мной или как?

— Фредерик Юро... Да-да, конечно же это он, Фредерик Юро. Он был у нас фигурантом лет десять назад. Я тогда вел это дело, а ты был у меня в подчинении, припоминаешь?

— Сейчас меня интересуют не дела десятилетней давности, а ты!

Шарко внимательно смотрел на начальника, звание которого было ниже его собственного. Вот только когда Франк подал ходатайство о перемещении по службе, он остался ко-

миссаром лишь по званию, ну и иногда его окликали: «Привет, комиссар!» По должности он был теперь простым лейтенантом. Такова была цена возврата на «землю», к подонкам, к грязи и мерзости, после нескольких лет в чистеньком кабинете в Нантерре, где он, не вставая с кресла, занимался анализом поведения преступников. Но Шарко сам хотел, чтобы его перевели на эту работу, пусть даже в результате он оказался в подчинении у такой сволочи, как Маньян. Его ходатайство удивило всех прежних коллег: просьбы о понижении офицера в чине для французской полиции большая редкость. Франку предложили тогда возглавить группу в уголовке, но он отказался — хотел закончить карьеру так, как начал: «на земле», с оружием в руках, лицом к лицу с преисподней.

— А помнишь, за что его тогда осудили? — спросил он сухо, будто не слыша воплей начальника. — За то, что он убил двух девчушек, которым и десяти-то не было. Своих собственных дочерей.

Маньян достал чинарик, прикурил, ногти у него были обгрызены.

Тощий нервный мужичонка, кожа лица как папиросная бумага; серовато-белая, шершавая, туго натянутая на скулах. Он много работал, мало ел и очень редко смеялся. Для одних это был человек, от которого лучше держаться подальше, для других — просто мразь и подонок, для самого Шарко — то и другое вместе.

Бертран Маньян не церемонился:

— Ты меня достал! С тех пор как тебя перевели в мою команду, ты непрерывно мне гадишь. Неуправляемые мне в бригаде не нужны! У Белланже освобождается место, так что вали туда без лишнего шума. Оно будет лучше и тебе, и мне.

Шарко согласился:

— Да легко.

Маньян успокоился и теперь уже затягивался с наслаждением, щура глаза за облаком голубоватого, медленно таявшего дыма.

— Скажи, а с каких пор ты не спишь? Я имею в виду: не спишь больше двух часов в сутки?

Шарко потер лоб с тремя строго параллельными глубокими морщинами. Седеющие волосы отросли, из-за них оттопыривались уши: всю свою жизнь в полиции проходивший с ежиком, он уже бог знает сколько месяцев не был у парикмахера.

— Что-то я не понимаю...

— Да брось ты, прекрасно понимаешь! Физиологически невозможно долго протянуть без сна. Лично я уверен, что сразу загнулся бы, если бы не спал столько, сколько мне надо. У тебя тормоза слетели, *комиссар*, тебе не стоило покидать насиженное местечко в Нантерре. Ты вспомнил этого типа, которого не видел десять лет, но не в состоянии вспомнить, куда положил свою пушку. Ладно, давай-ка возвращайся домой и выпишись как следует. Дрыхни, пока тебя не вызовет Белланже. Иди, иди, избавь меня от своего присутствия.

С этими словами Маньян двинулся к группе. Твердая, как у солдата, походка — мерзавец из мерзавцев и сам этим гордится. Подошел к оперативникам и криминалистам, выгружавшим из машин свои чемоданчики, свои папки с бумажками и свои надутые физиономии. «Всегда одно и то же, — подумал Шарко, — стая насекомых-мертвousedов, готовых накинуться на труп, время идет, ни хрена не меняется...»

Он, прикусив губу, в последний раз взглянул на жертву — зрачки убитого уже подернулись пленкой, в глазах навеки застыло удивление: Фредерик Юро умер, скорее всего, не осознав, что пришел его час. Глубокой ночью, в полной темноте — здесь ведь ни одного фонаря. Кто-то постучал в стекло, стекло поехало вниз, дальше этот кто-то просунул в открытое окно нож (или какое там было у него холодное оружие?) и несколько раз ударил водителя в грудь. Преступление свершилось меньше чем за двадцать секунд, без единого крика, без сильного кровотечения. И без свидетелей. Теперь будут искать отпечатки пальцев, делать вскрытие, осматривать в поисках улики местность и опрашивать — если найдут — свидетелей. Многократно обкатанная последовательность действий, благодаря которой раскрывают девяносто пять процентов уголовных дел. Остаются пять, и тысячами страниц, скопившихся в ходе их расследования, забиты кабинеты в верхнем эта-

же уголовной полиции. Горсточка особенно хитрых и ловких убийц ускользает сквозь самые мелкие ячейки любой сети. Охотиться на таких — дело тонкое, не каждому под силу.

Словно бросая вызов начальству, Шарко еще разок обошел место преступления, побаловал себя даже осмотром машины, после чего исчез, ни с кем не попрощавшись. Все смотрели ему вслед молча — все, кроме Маньяна, который продолжал драть глотку.

Плывать. В эту минуту Шарко и впрямь видел не особенно ясно, и ему очень хотелось спать.

Ночь. Шарко стоит посреди ванной на новеньких электронных весах. Весы откалиброваны с точностью до ста граммов, все выверено, ни малейшей ошибки быть не может, на циферблате семьдесят килограммов двести граммов. Столько он весил в двадцать лет. При росте метр восемьдесят пять! Стали, как прежде, видны брюшные мышцы, резко обозначились ключицы. Он с гадливостью оцупал это большое тело. Сделал отметку на графике, начерченном на листке бумаги и приклеенном к стене несколько месяцев назад. Отметкой обозначался его сегодняшний вес. Линия, представлявшая собой изменения в весе, неуклонно шла вниз — если так пойдет и дальше, бумаги не хватит и придется продолжать прямо на кафеле.

Как был, полуголый, он вернулся в спальню — комната выглядела нежилой. Кровать, шкаф, разобранные и сваленные горой в углу рельсы от железной дороги, миниатюрные поезда. Радиобудильник, звука которого он не слышал уже целую вечность, показывал три часа семь минут.

Уже скоро.

Он сел по-турецки посреди матраса и принялся ждать. Веки его подрагивали, глазами он впился в наглые красные цифры.

Три восемь... Три девять... Шарко помимо воли стал мысленно отсчитывать секунды: шестьдесят, пятьдесят девять, пятьдесят восемь, пятьдесят семь... Ритуал, от которого ему никак не удавалось отделаться, повторявшийся из ночи в ночь. Адское пламя в его сожженном мозгу.

Цифры, обозначающие минуты, менялись.

Три десять. Ощущение взрыва, конца света.

Год и шестнадцать дней назад, ровно в это время, у него зазвонил телефон. В ту ночь он тоже не спал и сразу узнал мужской голос, прозвучавший в трубке: голос сотрудника лаборатории научно-технического подразделения полиции Пуатье, сообщившего ему самое страшное. Слова доносились будто с того света:

Результат определенно положительный. Сравнительное исследование ДНК Люси Энебель и сожженной в лесу жертвы показало, что погибшая девочка — либо Клара, либо Жюльетта Энебель, на данный момент мы не можем сказать более точно. Очень сожалею.

Шарко, совершенно измученный, нырнул под одеяло и натянул его до подбородка в тщетной надежде поспать хотя бы пару часов. Просто чтобы выжить. Лишь те, кто по-настоящему страдает бессонницей, знают, как долги ночи, как беснуются по ночам призраки... как отдается громом в голове каждый ночной шорох... как жгут голову ночные мысли... Пытаясь избавиться от привычной пытки, старый полицейский перепробовал, кажется, все — и все напрасно. Он пробовал лежать не шелохнувшись, пробовал разные снотворные, пробовал ровно дышать, пробовал даже изнурять себя спортом. Он падал от усталости, тело сдавалось, мозг — нет. А советоваться с психотерапевтом он не желал: довольно с него врачей, которые и так чересчур долго доставали его в связи с шизофренией.

Никогда, никогда не дожидаться ему душевного покоя.

Он закрыл глаза и попытался представить себе желтые воздушные шары, поднимающиеся и опускающиеся вместе с волной, — может быть, шарики помогут ему заснуть. Некоторое время спустя он услышал наконец гул прибоя, услышал шепот ветра и шелест песка. Руки Франка отяжелели, тело начало цепенеть, он ощущал даже, как сердце гонит кровь в его истощенные мышцы. Но как всегда, стоило ему задремать, пена на гребнях волн окрасилась алой кровью, а наполови-

ну сдутые шарiki выбросило на пляж, по которому тянулись только черные тени ребятишек.

И он подумал о ней, снова о ней. О Люси Энебель. Вспомнил ее лицо, ее улыбку, ее слезы — все, из чего складывался теперь ее образ. Где она, что с ней? Из своих источников Шарко узнал, что через несколько дней после ареста убийцы и трагедии, которую, кажется, невозможно перенести, Люси подала в отставку. Но с тех пор? Удалось ли ей вынырнуть из черного омута, или, подобно ему самому, она до сих пор на дне пропасти? Каковы ее ночи, из чего складываются ее дни?

Истерзанное сердце больного полицейского забилося сильнее. Слишком сильно, так и вовсе не осталось надежды заснуть. Что делать? Шарко повернулся на бок и попытался начать все сначала: волны, воздушные шарiki, разогретый песок пляжа... В понедельник 6 сентября телефон зазвонил в двадцать две минуты восьмого, когда он в одиночестве пил привычный с некоторых пор кофе без кофеина, тупо глядя в не разгаданный даже на треть кроссворд. Прочитал: «Бог зла и насилия», написал в клеточках: «Сет» — и снова надолго задумался, не сводя глаз с газеты: слишком он был взбудоражен. Раньше он покончил бы с таким кроссвордом за пару часов, но теперь...

Голос в трубке, а звонил Николая Белланже, его новый начальник, предложил ему как можно быстрее приехать в Мёдон: там, в четырех километрах от Парижа, находится Центр приматологии, в котором, в одной из клеток, найден труп женщины, по-видимому растерзанной шимпанзе. Надо разобраться.

Шарко сухо попрощался. М-да, карьера его близится к концу, ему поручают допрашивать обезьян. Он ясно увидел, как коллеги, один за другим, отбрыкиваются от этого дела и сбавривают его «старикю». Он прекрасно представлял себе насмешки, косые взгляды, все эти: «Эй, комиссар, теперь ты колешь маргышек?»

Казалось бы, когда печаль так глубока, ни о чем другом уже не думаешь, но он тем не менее подумал: «Вот я и пал ниже некуда».

Тилье Ф.

Т 40 GATACA, или Проект «Феникс» : роман / Франк Тилье ; пер. с фр. Н. Васильковой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 480 с. — (Звезды мирового детектива).
ISBN 978-5-389-14849-9

В клетке с приматом найден растерзанный труп девушки, изучавшей эволюцию видов. Одиннадцать человек арестованы за чудовищные преступления. Человек, жестоко расправившийся с невинными детьми, покончил с собой. Но что стоит за беспричинными вспышками насилия? Когда в следующий раз сработает бомба замедленного действия? За расследование берутся Люси Энебель и Франк Шарко. Героям предстоит отправиться в джунгли Амазонии, где притаилось древнее зло, ждущее своего часа, чтобы, подобно бессмертной огненной птице, восстать из пепла.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Литературно-художественное издание

ФРАНК ТИЛЬЕ
ГАТАСА, ИЛИ ПРОЕКТ «ФЕНИКС»

Ответственный редактор Галина Соловьева
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректор Анна Быстрова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 07.06.2018. Формат издания 60 × 90 ^{1/16}.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 30. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1.
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Бороздино-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

9-881-23154-81-8